

КАМИЛЛ ДЕМУЛЕН - ПУБЛИЦИСТ

Французский ежегодник, 1967

М., 1968. С.274-287.

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов Vive Liberta и Век Просвещения ©

Камилл Демулен был активным участником Великой Французской революции с самого ее начала до лета 1793 г. Он являлся одним из лучших, наиболее талантливых журналистов революции. Его брошюры и периодические издания, написанные очень ярко, с революционным пафосом, пользовались большим успехом. Его произведения являются важным источником для изучения эпохи революции. Интересно, что Карл Маркс, изучая в 1844 г. историю Французской революции конца XVIII в., читал газету Демулена «Революции Франции и Брабанта»¹.

В буржуазной историографии имеется ряд работ о Демулене². В них подробно излагается его биография, его политическая и журналистская деятельность. Но авторы этих книг всю его деятельность объясняют мотивами персонального характера. Даже такие крупнейшие французские историки, как [А. Олар](#) и [А. Матьез](#), в своих трудах по истории революции поступают так же, говоря о его журнале «[Старый Кордельер](#)»³.

Такое объяснение деятельности Демулена едва ли можно признать научным. В работах буржуазных историков мы не найдем попыток проследить эволюцию политических взглядов Демулена в годы революции. В этих работах ничего не говорится о его социально-экономических взглядах и социальной направленности его произведений.

В советской и вообще в марксистской исторической литературе нет работ, специально посвященных Демулену. Его взгляды еще не подвергались систематическому анализу с марксистских позиций.

Основная задача данной статьи заключается в том, чтобы на основе изучения произведений К. Демулена в первые годы революции осветить развитие его политических и социально-экономических взглядов.

* * *

Луций-Симплий-Камилл Демулен родился 2 марта 1760 г. в городе Гизе в семье судьи бальяжа. Среднее образование он получил в коллеже Людовика Великого в Париже. По окончании коллежа он поступил на юридический факультет Парижского университета, который окончил в начале 80-х годов. В 1785 г. он занял должность адвоката при Парижском парламенте. В этой должности его и застала революция.

Мировоззрение Демулена формировалось в конце 70-х и в 80-х годах XVIII в. в условиях предреволюционной Франции. Во время учения в коллеже он зачитывался ораторами и писателями [древней Греции и древнего Рима](#) и на их произведениях воспитывался в республиканском духе. Впоследствии он вспоминал об этом периоде своей жизни так: «12 июля 1789 г. нас было в Париже, быть может, всего 10 республиканцев. Этими республиканцами были большей частью молодые люди, воспитанные на произведениях Цицерона в коллежах и проникшие там страстью к свободе. Нас воспитывали в школах Рима и Афин в республиканской гордости, чтобы жить в мерзких условиях монархии в царствование Клавдиев и Вителиев. Безрассудное правительство думало, что мы могли восторгаться отцами отечества Капитолия, не испытывая отвращения к людоедам Версаля, и восхищаться прошлым, не осуждая настоящего»⁴.

После окончания коллежа властителями дум Демулена стали мыслители французского Просвещения. Особенно большое влияние на формирование его политических взглядов оказал [Ж.-Ж. Руссо](#). Как будет показано ниже, в своих первых произведениях Демулен исходил из его учения о народном суверенитете. В своей критике монархической системы правления он использовал многие аргументы Руссо.

Подготовка к выборам в Генеральные штаты вызвала в политической жизни Франции огромный подъем. Демулен был захвачен этим подъемом. В конце 1788 г. вышла в свет его первая брошюра «Философия — французскому народу». Эта брошюра не дошла до нас. О ней можно судить только по краткой аннотации, напечатанной газетой «[Moniteur](#)». По данным этой газеты, автор брошюры призывал французский народ вернуть себе свои права и свою первоначальную свободу и развивал принципы конституции⁵.

Первой дошедшей до нас брошюрой Демулена была «Свободная Франция». Она вышла из печати 17 июля 1789 г., через несколько дней после взятия Бастилии⁶. По всей вероятности, она была написана в июне того бурного года. В письме отцу от 3 июня 1789 г. Демулен сообщал: «Я пишу в настоящее время одно патриотическое сочинение»⁷. В другом письме отцу, по содержанию относящемся к концу июня — началу июля, он жаловался на большие неприятности с издателем и высказывал мысль, что если бы у него были средства, то он создал бы собственный орган печати⁸. Первым издателем «Свободной Франции» был Моморо, будущий левый якобинец. По-видимому, он отказывался печатать эту брошюру из-за крайнего радикализма ее содержания и решился на это только после взятия Бастилии.

В начале «Свободной Франции» автор высказывал свое мнение по важнейшему политическому вопросу момента — о порядке голосования в Генеральных штатах. Он решительно выступал против посословного голосования. Демулен доказывал, что нация имеет полное право изменить традиционный порядок работы Генеральных штатов. В своей аргументации он исходил из учения Руссо о верховном суверенитете нации.

Содержание I главы брошюры он резюмировал в следующих словах: «Итак, говоря кратко, одно из двух: или посословное голосование было установлено без согласия нации и тогда оно является неконституционным, или оно введено с ее согласия, по обычаю, при ее молчаливом согласии и в этом случае ясно выраженная воля заменяет молчаливое согласие. Воля, выраженная в настоящее время, отменяет волю, выраженную в прошлом... Невозможно выдвинуть никаких аргументов, невозможно никакое вето против ее (нации. — В. Ч.) суверенной воли. Ее воля всегда законна; она сама является законом»⁹.

Далее Демулен отвечает на следующее возможное возражение: нельзя считать желание большинства нации всегда конституционным потому, что если бы большинство захотело провести «аграрный закон» или установить во Франции деспотическое правление, то остальной части французов пришлось бы жить под гнетом. Демулен пишет: «Общество имеет только те права, которые предоставили ему его члены. Поэтому не является ли абсурдом утверждение, что люди, объединившиеся в общество только для того, чтобы защитить себя от грабителей, дали право себя ограбить? Выше общей воли стоит естественное право, общественный договор. Следовательно, большинству никогда не может принадлежать право принятия "аграрного закона"»¹⁰. В этом рассуждении ясно проявляется влияние учения Руссо об общественном договоре. Демулен здесь решительно выступал против «аграрного закона», под которым он подразумевал всякое покушение на частную собственность.

После обоснования мысли о невозможности принятия «аграрного закона» с юридической точки зрения он переходит к доказательству этой же мысли с практической точки зрения: «Люди, которые первыми объединились в общество, с самого начала понимали, что первоначальное равенство не будет существовать долго, что в тех собраниях, которые будут созываться в дальнейшем, их участники уже не будут в равной степени заинтересованы в соблюдении общественного договора, гарантирующего собственность, и они позаботились о том, чтобы лишить низший класс граждан возможности нарушить общественный договор. С этой целью законодатели отделили от политического организма тот разряд граждан, которых в Риме называли «пролетариями», считая их способными только производить детей и этим пополнять численность общества. Они выделили этих граждан в центурию, не оказывавшую влияния на народное собрание¹¹. Эта центурия, отвлекаемая от общественных дел тысячью забот и находящаяся в постоянной зависимости, никогда не сможет играть доминирующую роль в государстве. Одно лишь сознание своего положения заставляет этих людей отказываться от участия в народных собраниях. Разве будет слуга высказывать свое мнение в присутствии хозяина, а нищий в присутствии человека, милостыней которого он существует?»¹².

В вышеприведенном отрывке Демулен ясно высказывался за лишение неимущих граждан политических прав, считая это необходимым для сохранения частной собственности. Далее он подчеркивал, что если аграрный закон не был принят в Риме, который располагал огромными земельными фондами, то можно сделать вывод, что этот закон никогда не будет осуществлен.

Автор брошюры опровергал также утверждение, что если все вопросы должны решаться большинством, то во Франции может быть установлена деспотическая форма правления. Он писал, что большинство не может сделать этого потому, что конституция должна быть основана на праве, а «право и деспотизм несовместимы»¹³.

В последующих главах Демулен давал резкую критику привилегированных сословий — духовенства и дворянства, а также монархической системы правления. Пятая глава, озаглавленная «Короли», содержит резко отрицательные характеристики французских королей от Филиппа IV Красивого до Людовика XV включительно. Общий вывод автор сформулировал в следующих словах: «О чем же свидетельствует опыт истории пяти веков, обзор которых дан выше? Этот опыт сам говорит за себя. Разве приведенные факты не вопиют о том, что монархия является отвратительной *формой правления?*» («Les faits ne crient-ils pas que la monarchie est une forme de gouvernement detestable?»)¹⁴.

Самой важной и интересной главой брошюры является шестая глава, озаглавленная так: «Какой политический строй более всего подходит для Франции?» В начале главы Демулен пишет, что у него еще в юности возникло врожденное влечение к свободе вопреки монархическому воспитанию и господствовавшей в то время идеологии. Он выступает против общепринятого в конце XVIII в. мнения, что во Франции необходима монархия.

Ответ на вопрос, какой политический строй подходит для Франции, автор сформулировал в следующих словах: «Нация, которая, по примеру Америки, по примеру Греции сама управляет собой, — вот единственная форма правления, подходящая людям вообще и французам в частности, причем французам нынешнего века»¹⁵. Такую форму правления Демулен характеризует как народное правление, демократию. Несколько ниже он прямо называет этот строй республикой: «Такая крупная страна, как Франция, *став республикой* (курсив наш. — В.Ч.), для своей обороны не нуждалась бы ни в морях, ни в Альпах. Свобода в ней была бы непобедима»¹⁶.

Таким образом, уже в июне 1789 г. Демулен считал единственным строем, подходящим для Франции, республику. Необходимо отметить, что в этом вопросе он шел дальше самых радикальных мыслителей французского Просвещения. В. П. Волгин в своем труде «Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке», показывая наличие республиканских идей у представителей левого крыла Просвещения, обращает внимание на то, что ни Руссо, ни Мабли, ни **Кондорсе**, ни **Марат** (последние в дореволюционный период) не считали возможным установление республиканского строя во Франции¹⁷.

Известно, что в 1789 г. никто из видных деятелей революции или известных журналистов не выступал за ликвидацию во Франции монархии и введение республики. Крупнейший знаток источников по политической истории Великой Французской революции, А. Олар писал о результатах своего изучения брошюр и печати 1789 года: «Я не нашел никаких следов ни этой (республиканской. — В.Ч.) партии, ни этих (республиканских. — В.Ч.) манифестаций. После тщетных поисков я нашел только одного французца, называвшего себя тогда республиканцем, а именно Камилла Демулена»¹⁸.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что Камилл Демулен, по-видимому, был первым сторонником установления во Франции республики среди видных деятелей революции и журналистов.

В брошюре «Свободная Франция» Демулен выступал против расчленения страны на отдельные провинции, за сохранение единого государства. Он писал: «Я не могу поверить в возможность такого расчленения. Зачем нам разъединяться? Зачем нам быть бретонцами, беарнцами, фламандцами? Разве есть под небом более прекрасное имя, чем французы? Ради этого имени, уже столь знаменитого, мы все должны отказаться от своих имен»¹⁹. Он призывал Национальное собрание уничтожить все границы между провинциями, объединить их в единое государство и дать ему «прекрасную конституцию».

Автор выдвигал план первоочередных демократических преобразований. Он выступал за отмену чрезвычайных судов и сенъериальной юстиции, за равенство всех граждан перед законом и вносил предложение о сожжении всех документов феодальной юстиции²⁰. Он высказывался за введение свободы торговли, свободы совести, свободы слова и печати²¹. По его мнению, во Франции должно существовать постоянно действующее Национальное собрание, которое будет решать вопрос о войне и мире, утверждать международные договоры и назначать послов²².

Таково основное содержание брошюры «Свободная Франция». Это одно из самых интересных и содержательных произведений Демулена. В нем он высказал свое мнение о важнейших вопросах момента.

Это произведение имело большой успех. Об этом говорит один тот факт, что в течение нескольких месяцев второй половины 1789 г. оно выдержало четыре издания. Оно принесло Демулену известность. Он стал получать восторженные письма с различных концов страны.

Брошюра вызвала яростные нападки контрреволюционных элементов. Об этом свидетельствуют такие факты, как нападение монахов в городе Олероне на книжную лавку, в которой продавалась эта брошюра²³, и решение Тулузского парламента о публичном ее сожжении²⁴.

12 июля 1789 г. в Париже царил сильное возбуждение в связи с тем, что король дал отставку популярному в то время генеральному контролеру финансов Неккеру. В этот день Демулен произнес свою известную речь в парке Пале-Рояль. В **письме отцу от 16 июля** того же года он рассказывал об этом своем выступлении так: «...Люди видят мое возбуждение; меня окружают; меня заставляют подняться на стол. В течение одной минуты вокруг меня собралось 6000 человек. "Граждане, — говорю я тогда, — вы знаете, что нация требовала оставить Неккера на своем посту и поставить ему памятник. Его прогнали! Можно ли оскорбить вас сильнее? После такого поступка они решатся

на все, и, может быть, уже в эту ночь они замышляют или даже уже организуют Варфоломеевскую ночь для патриотов". Я почти задыхался от того множества мыслей, которые теснились в моей голове. Я говорил совершенно беспорядочно. "К оружию, — кричал я, — к оружию! Оденем все кокарды зеленого цвета, цвета надежды!"²⁵. После этой речи Демулен прикрепил листок каштана к своей шляпе, и его примеру последовали люди, окружавшие его. На некоторое время зеленый цвет стал излюбленным цветом революционеров²⁶.

В цитированном письме Демулен сообщал отцу также, что он участвовал во взятии Дома инвалидов.

В августе или начале сентября 1789 г. была написана вторая брошюра Демулена «Речь фонаря к парижанам». Она была издана в сентябре того же года. Книга написана в форме монолога фонаря, на котором народ вешал контрреволюционеров.

В начале брошюры фонарь говорит, что парижане сделали его навсегда знаменитым и священным среди фонарей. Он заявляет, что больше Людовика XIII заслужил наименование Справедливого. Автор оправдывает народные самосуды над контрреволюционерами и подчеркивает, что они являются результатом бездействия судебных властей по отношению к контрреволюционным заговорщикам²⁷. Вместе с тем он делает одну важную оговорку. Фонарь говорит: «Сколько предателей ускользнуло от меня! Это восклицание вовсе не означает, что я люблю слишком поспешное правосудие. Вы знаете, что я выразил недовольство во время повешения Фулона и Бертье, когда два раза рвал роковую веревку²⁸. Я убежден в измене и преступлении этих двух мошенников, но столяр проявил излишнюю поспешность в этом деле²⁹. Я хотел бы, чтобы до казни был допрос и выяснение многих фактов. Вместо этого вы, слепые парижане, может быть, упустили доказательства заговора, направленного против вас. Вы бесчестите фонарь, который должен служить только правосудию и родине. Моя слава пройдет, и я останусь в памяти потомков запятанным убийствами»³⁰.

Далее он излагает факты, свидетельствующие о наличии контрреволюционных заговоров в Париже и требует привлечения к судебной ответственности ряда аристократов.

В этом разделе брошюры автор приводит весьма многозначительный для Франции осени 1789 г. пример из истории древней Греции. Он пишет: «Пусть мне покажут в архивах юстиции более величественный памятник, внушающий всем смертным святой и спасительный страх перед ее мечом, чем надпись на колонне храма Юпитера Ликийского. Жители Аркадии, после того как предали смерти своего короля Аристоклема, предателя родины, воздвигли эту колонну и выгравировали на ней слова: "Короли-клятвопреступники рано или поздно при помощи Юпитера получают возмездие. Наконец-то раскрыто вероломство того, кто изменил Мессении. Великий Юпитер, да будет Тебе воздана хвала!"»³¹.

Демулен дает восторженную оценку декларациям, которые были сделаны на ночном заседании Учредительного собрания 4 августа 1789 г. Он приветствует отмену ряда феодальных повинностей и провозглашение свободы торговли и промышленности. Он восхищается провозглашением равноправия всех граждан³².

В «Речи фонаря» автор останавливается также на важнейших вопросах, обсуждавшихся в Учредительном собрании во второй половине августа — начале сентября 1789 г. — о королевском вето и о создании верхней палаты. Он восхваляет **Мирабо**, пользовавшегося в то время огромной популярностью, но вместе с тем решительно осуждает его выступление в Учредительном собрании в пользу суспензивного королевского вето. Он пишет, что не может поверить в то, что Мирабо стоит за предоставленные королю права отвергать мудрые декреты, принятия которых хочет вся нация. Особенно резко Демулен высказывается против предложения Мунье о предоставлении королю права абсолютного вето и против идеи Лалли-Толандаля о создании верхней палаты, состоящей из сенаторов, назначаемых королем пожизненно. Демулен пишет, что должности сенаторов в этом случае стали бы в руках короля вознаграждением для предателей интересов нации. В заключение он ставит вопрос: «Я спрашиваю, можно ли представить себе предложение, более губительное для свободы, чем предложение о введении вето и, для завершения зла, пожизненной аристократии по королевскому выбору?»³³.

Брошюра «Речь фонаря к парижанам» также имела большой успех³⁴.

Камилл Демулен не только занимался журналистской деятельностью, но и принимал активное участие в революции. Он был членом [Якобинского клуба](#) с его основания (осень 1789 г.) и принадлежал к его левому крылу. Он вступил в Клуб кордельеров в момент его образования летом 1790 г. и стал одним из его видных деятелей.

С конца ноября 1789 г. Демулен стал выпускать еженедельную газету под названием «Les Revolutions de France et de Brabant»³⁵. Она выходила около двух лет (до августа 1791 г.). В течение первых восьми месяцев Демулен один писал весь текст газеты, а с № 33 стал сотрудничать с Л.-М.Фрероном. Тематика газеты была чрезвычайно разнообразна. В ней освещались самые различные вопросы жизни Франции, а также давались комментарии к некоторым событиям международной жизни. Поэтому французский историк Галлуа назвал ее «энциклопедией революции»³⁶. Газета пользовалась в Париже большой популярностью, особенно среди интеллигенции³⁷.

Как известно, Учредительное собрание установило во Франции режим конституционной монархии. Как реагировал на это Демулен? В № 1 своей газеты (20 ноября 1789 г.) он так излагал свой разговор с Мунье в Версале в конце сентября или в начале октября того же года: «Что касается меня, то я уже открыто высказался в «Свободной Франции» за конституцию Пенсильвании³⁸, которой я в высшей степени восхищаюсь; между вами и мной имеется следующее различие: вы хотите заставить ввести свое вето вопреки желанию большинства, в то время как я готов пожертвовать своим мнением ради большинства. Но не обманывайте себя, проблема создания республики в крупных странах разрешена. Меня все больше и больше удивляет здравый смысл чернорабочего и поденщика; Сент-Антуанское предместье отличается мудростью; мы идем большими шагами к Республике. Демократы уже весьма многочисленны. Но они слишком любят свою родину, чтобы обречь ее на ужасы гражданской войны; подождите еще несколько лет, тогда мы подсчитаем голоса, и разум восторжествует без кровопролития»³⁹. Следовательно, Демулен здесь высказывается за установление во Франции республики мирным путем, в результате референдума. Он выражает надежду, что это произойдет через несколько лет.

В № 27 (май 1790 г.) он заявляет, что бог дал народам королей во гневе, что опыт всех народов подтверждает это, так как по прихоти королей ведутся кровавые войны, а их дворы являются очагом подкупа и разврата. Однако после этого Демулен делает вывод, что «необходимость момента и существующие обстоятельства потребовали, чтобы конституция сохранила монархическую форму правления, в то время как сущность этой конституции зиждется на подлинно национальной и народной основе»⁴⁰. Таким образом, оставаясь в принципе сторонником республики, Демулен считал, что политическая обстановка требует сохранения во Франции на ближайшее время монархической формы правления.

Как и в «Свободной Франции», он развивал в газете идею о единстве французской нации. Он обращался к депутатам Учредительного собрания со следующими словами: «Разве еще существуют различия между провинциями? Разве вы хотите нас разъединить, разделить на части? Разве все мы не являемся одной большой семьей?»⁴¹.

Как отмечалось выше, в «Свободной Франции» Демулен одобрял лишение неимущих граждан избирательных прав. Но через несколько месяцев его мнение по этому вопросу в корне изменилось под влиянием событий того же полугодия 1789 г., в которых ярко проявилась решающая роль народных масс в революции.

В октябре — декабре 1789 г. Учредительное собрание декретировало разделение граждан на активных и пассивных и установление высокого имущественного ценза для кандидатов в депутаты Законодательного собрания. Против этих декретов решительно выступили журналисты-демократы — Ж.-П.Марат, К.Демулен, [Э.Лустало](#) и др. Демулен писал в своей газете в декабре 1789 г.: «Во Франции только что была установлена аристократическая форма правления и это — самая крупная победа, одержанная дурными гражданами в Национальном собрании. Чтобы понять всю нелепость этого декрета, достаточно сказать, что на основании его в Собрание не могли бы быть избраны Жан-Жак Руссо, Корнель, Мабли». Автор подчеркивал, что по установленной избирательной системе даже Иисус Христос не являлся бы активным гражданином, и продолжал: «Но что вы хотите сказать этим термином «активный гражданин», так часто повторяемым? Активные граждане — это те, кто взял Бастилию, те, которые пашут землю, в то время как бездельники из среды духовенства и придворных, несмотря на большие размеры своих земельных владений, являются лишь прозябающими растениями. Они подобны бесплодной смоковнице, о которой говорится в Евангелии и которую нужно сжечь»⁴².

В начале 1790 г., после введения нового административного деления Франции, стал обсуждаться проект ликвидации дистриктов в Париже и замены их 48 секциями. Все демократы выступали против этой замены прежде всего потому, что в собраниях дистриктов принимали участие все граждане, а в заседаниях секций могли участвовать только активные граждане. Демулен в своей газете убедительно защищал необходимость сохранения дистриктов. В № 17 (апрель 1790 г.) он писал: «По моему мнению, самым важным вопросом является непрерывность собраний дистриктов. Кто сомневается в том, что именно эти собрания, несмотря на все упреки, которые можно было бы им сделать, совершили революцию и укрепили ее дело? Никто не сомневается в этом меньше тех людей, которые настойчиво требуют их отмены. Очень странно, что некоторые люди считают, что население Парижа совершит глупость и откажется от своих дистриктов...»⁴³. Он сравнивал роль дистриктов в Париже с ролью форума в древнем Риме. Когда в мае 1790 г. Учредительное собрание приняло декрет об отмене дистриктов в Париже и о разделении его на 48 секций, Демулен подверг этот декрет резкой критике⁴⁴.

В «Революциях Франции и Брабанта», как и в первых своих произведениях, Демулен отстаивал необходимость полной свободы печати. В № 16 (март 1790 г.) он писал по этому вопросу: «Как я уже говорил в своем последнем номере, политическая свобода не имеет более твердого оплота и лучшего средства защиты, чем печать... Мы не устанем повторять к чести печати, что отнюдь не лучшие генералы, а лучшее дело побеждает в боях, которые происходят между печатью и заговорщиками»⁴⁵. Эту же мысль автор развивал и в ряде других номеров.

Мы уже видели, что в своих брошюрах Демулен одобрял казни контрреволюционеров. В первых номерах газеты он высказывался в том же духе.

В декабре 1789 г. был арестован маркиз де Фавра — активный участник контрреволюционного заговора. По приговору суда он был казнен. Его казнь, как это было принято во время революции, происходила публично. Народ выражал радость в момент казни маркиза. Некоторые контрреволюционные газеты возмущались такой реакцией и называли ее варварством. Демулен ответил им в № 14 следующим образом: «Я вовсе не считаю варварством радость народа в момент казни... И не понимаю, как можно обвинять в варварстве народ, который радуется тому, что человеческое правосудие иногда заменяет божественное возмездие, тому, что предатель, который пытался снова заковать свою родину в оковы и обречь всю нацию на гражданскую смерть, своей казнью напугал тех, кто пытается ему подражать... Мы погибли бы, если бы народ равнодушно смотрел на казнь Делоне, Бертье, Фавра...»⁴⁶. В № 15 автор снова выступил против обвинений народа в жестокости по отношению к контрреволюционерам⁴⁷.

После выхода в свет «Речи фонаря к парижанам» Демулена стали называть «генеральным прокурором фонаря». Он гордился этим наименованием и сам неоднократно называл себя так в газете. Однако летом 1790 г. его отношение к народным самосудам решительно изменилось. В № 27 он писал о них так: «Эти эксцессы, несомненно, жестоки; их последствия ужасны. Таким способом предатель может погубить невинного человека, а должник может отделаться от своего кредитора. Наконец, народ может странным образом ошибиться в применении принципа, похвального самого по себе. Впрочем, какая жестокость смешивать функции обвинителя, судьи и палача...»⁴⁸. В № 30 Демулен заявляет о своем отказе от звания «генерального прокурора фонаря»⁴⁹. В № 36 он выступает за серьезный разбор судом обвинений против министров, подозреваемых в предательстве⁵⁰.

Изменение взглядов Демулена в вопросе о революционном терроре привело к ухудшению его отношений с Маратом. В ряде номеров своей газеты Камилл высоко оценивал деятельность последнего, называя его «лучшим патриотом», «великим пророком». Он поддерживал Марата в его борьбе против Парижского муниципалитета. Но в августе 1790 г. Демулен резко выступил против известного памфлета Марата «С нами покончено», в котором автор доказывал необходимость введения массового революционного террора. В № 37 газеты Демулен так изложил свои высказывания в разговоре с Маратом по поводу этого памфлета: «Господин Марат, сказал я ему... мой дорогой Марат, вы делаете скверное дело... 500 или 600 отрубленных голов! Признайтесь, что это слишком много. Вы являетесь драматургом среди журналистов. Данаиды, Бармесиды — ничто по сравнению с вашими трагедиями. Вы убиваете всех актеров, включая и суфлера. Вы забываете о том, что трагик, который переигрывает, оставляет публику равнодушной. 500—600 отрубленных голов! Это ведь настоящая проскрипция... Что касается меня, то вы знаете, что я уже давно ушел в отставку с поста генерального прокурора фонаря. Я думаю, что такое тяжелое бремя, как диктатура, должно продолжаться только один день, а иногда даже один час. Вы действительно компрометируете своих друзей и заставляете их порвать с вами»⁵¹. Из этого высказывания видно что Демулен считал, что массовый революционный террор может только скомпрометировать дело революции⁵².

31 июля 1790 г. правый депутат Учредительного собрания Малуэ потребовал привлечения к судебной ответственности Марата за призыв к революционному террору в памфлете «С нами покончено» и Демулена за оскорбительные выпады против короля в № 35 «Революций Франции и Брабанта». Учредительное собрание в тот же день приняло декрет о привлечении к судебной ответственности авторов, издателей и распространителей произведений, подстрекающих народ к восстанию против законов, к кровопролитию и уничтожению конституции. Одновременно собрание поручило королевскому прокурору привлечь к судебной ответственности Марата и Демулена за их произведения.

В № 37 своей газеты Демулен дал ответ на обвинения Малуэ. Он категорически отрицал утверждение последнего, что он якобы призывал народ к неуплате налогов и поддерживал предложение Марата о казни 500—600 контрреволюционеров. В отношении же оскорбления короля в № 35 он разъяснял свою позицию так: «Я писал, что королевский трон (во время празднования дня Федерации — 14 июля 1790 г. — В.Ч.) выглядел вызывающе..., но я спрашиваю вас, депутаты Национального собрания, разве вы не декретировали, что *нация является сувереном*? Разве этот суверен лишен престола после шестимесячного царствования? Ведь над троном я видел знамя одного человека, а не знамя нации. Тогда декретируйте, что законодательная власть занимает второе место, а первое место принадлежит исполнительной власти»⁵³. Демулен подчеркивает, что законодательная власть стоит выше исполнительной, и поэтому он считает неправильным, что во время праздника Федерации король занимал более почетное место, чем депутаты Учредительного собрания.

В конце номера помещено письмо Демулена Учредительному собранию. В нем он опровергал обвинения Малуэ и просил отсрочить привлечение его к судебной ответственности до прочтения № 35 его газеты каким-либо комитетом Учредительного собрания. Это письмо было зачитано на заседании Собрания, причем его левая часть встретила письмо аплодисментами. После выступлений [Петиона](#), [Робеспьера](#), [Т.Ламета](#) и [Барнава](#) собрание отменило решение о привлечении к судебной ответственности Демулена, оставив в силе ту его часть, которая относилась к Марату.

Какова была позиция Демулена в период Вареннского кризиса? С начала июля 1791 г. он подвергал резкой критике политику Учредительного собрания, [Лафайета](#) и Парижского муниципалитета. Он выражал возмущение стремлением собрания снять с [Людовика XVI](#) ответственность за бегство при помощи надуманной формулы «похищение короля». В № 82 он, изложив содержание манифеста, оставленного королем в своем дворце в момент бегства, делал вывод, что король не только задумал преступный план, но и начал его осуществление. Далее он подчеркивал, что король по самой своей природе является людоедом, аристократом, который неспособен действовать в духе Декларации прав человека и гражданина, и продолжал: «Однако, поскольку король—животное является частью человеческого рода и поскольку была допущена наивность, заключающаяся в том, что его сделали составной частью государственного аппарата, нужно решить его судьбу в соответствии с законами общества, которые гласят, что всякий человек, взявший в руки оружие против нации, карается смертью, и в соответствии с законами человеческого рода, с естественным правом, которое разрешает мне убить врага, который напал на меня. Но ведь король только прицелился в нацию. Верно, что он не сделал выстрела, но теперь очередь стрелять за нацией. Несомненно, что она сочтет ниже своего достоинства меряться силой с одним человеком. Я бы первый выстрелил в воздух, но нужно, чтобы напавший попросил у меня сохранить ему жизнь»⁵⁴. Следовательно, Демулен в самых категорических выражениях требовал предания Людовика XVI суду за его контрреволюционный замысел. Он считал, что король за свои действия заслуживает смертной казни, но суд может проявить к нему великодушие.

В № 83 Демулен снова подверг серьезной критике политику Учредительного собрания, утверждая, что оно не оправдало надежд избирателей и вызвало ненависть революционных масс. Он ставил ему в вину стремление реабилитировать короля, оставление генералов-предателей во главе регулярных войск и доверие Лафайету, которого он назвал предателем и лицемером и на которого возлагал прямую ответственность за бегство короля.

В № 84 Демулен писал, что нужно называть преступление Людовика XVI преступлением, арестовать его и допросить у решетки Учредительного собрания, а затем передать его дело на рассмотрение Верховного национального суда. Он предлагал сместить министров, вина которых перед нацией ясна, и арестовать [Т.Ламета](#) и [Байи](#) и Лафайета. Он выступал за изгнание из Учредительного собрания 300 «врагов нации».

Демулен считал, что вопрос о политическом строе Франции после бегства короля должен быть решен в соответствии с мнением большинства избирателей. Он убеждал своих читателей в целесообразности установления в стране республиканского строя в ближайшее время. Он отмечал, что Учредительное собрание уже нарушило конституцию своим решением о передаче исполнительной власти министрам, поскольку по тексту конституции 1791 г. в случае отрешения Людовика XVI от власти собрание должно было бы или назначить регентский совет, или передать власть ближайшему родственнику короля. Далее он делал вывод: «Каким бы монархическим ни было Национальное собрание, оно, вопреки своим декретам, было увлечено обстоятельствами и собственными чувствами на проведение мероприятий республиканского характера. Без короля и без регента мы придем к республике. По-видимому, небо послало нам единственный в своем роде случай испытать великий опыт республики»⁵⁵.

В № 85 он снова возвращался к мысли о целесообразности установления во Франции республики: «Я не ждал настоящего момента для того, чтобы высказать определенное мнение о форме правления. Моя газета была лишь дополнением к той главе «Свободной Франции», в которой говорилось, что «республиканское правление — политический строй, который более всего подходит для Франции». Все события, происшедшие за два года после этого, только подтвердили, насколько я был прав тогда...»⁵⁶. Он называл гнусным декрет Учредительного собрания от 15 июля 1791 г., который, по сути дела, снимал с Людовика XVI ответственность за бегство и тем самым подготавливал общественное мнение к возвращению его к власти.

Демулен не только пропагандировал республиканские идеи на страницах своей газеты, но также был одним из руководителей демократическо-республиканского движения в июне — июле 1791 г., центром которого являлся Клуб кордельеров⁵⁷. Муниципальные власти Парижа хотели привлечь Демулена к судебной ответственности за участие в организации манифестации на Марсовом поле 17 июля⁵⁸. В связи с этим ему пришлось некоторое время скрываться, и он был вынужден прекратить издание газеты «Революции Франции и Брабанта».

Последний, 86-й номер этой газеты вышел 4 августа 1791 г. Он начинался следующим ироническим обращением автора к Лафайету: «Освободитель двух частей света, утонченный цветок среди вождей янычаров, единственный среди начальников альгвазилов⁵⁹, Дон Кихот Капетов и двух палат, созвездие белой лошади, я, прикоснувшись к земле свободы, пользуюсь моментом для того, чтобы послать вам мою отставку с поста журналиста и национального критика, о чем вы просили меня так долго... Я чувствую, что мой голос слишком слаб, чтобы заглушить вопли 30 тысяч ваших шпионов и такого же количества ваших сателлитов, шум ваших барабанов и пушек»⁶⁰.

Демулен поясняет, что в условиях преследования и репрессий против демократических деятелей он не может более продолжать свою деятельность журналиста. Он ставит себе в заслугу, что давно уже стал разоблачать Лафайета как честолюбца, который хочет господствовать, как раба двора, как заговорщика против народа и предателя.

Автор пишет, что большинство граждан Парижа, а также население многих провинциальных пунктов «возмущаются упорным стремлением наших представителей поставить во главе французского народа подлого клятвопреступника»⁶¹. Он одобряет петицию Якобинского клуба от 16 июля 1791 г., в которой говорилось: «Нижеподписавшиеся объявляют, что они никогда не признают Людовика XVI своим королем, если только большинство нации не выразит желанья, противоположного тому, которое высказано в этой петиции». Демулен клеймит антинародные действия муниципалитета и Лафайета. Он протестует против преследования демократов и отмены свободы печати. Он оценивает обстановку после 17 июля 1791 г. как победу контрреволюции.

Таково основное содержание газеты «Революции Франции и Брабанта». Необходимо сказать несколько слов о стиле Демулена. Его произведения написаны прекрасным литературным языком. Его стиль отличался живостью и большой эмоциональностью. Он отстаивал свои идеи весьма убежденно, с революционной страстью. Его разоблачения врагов революции проникнуты ненавистью и сарказмом. В его брошюрах и статьях встречается много шуток, метких сравнений, острот, пословиц и игры слов.

Характеристику политических взглядов Демулена в 1789—1791 гг. можно свести к следующим основным положениям. С самого начала революции он был убежденным сторонником верховного суверенитета нации и республиканского строя. Уже в брошюре «Свободная Франция», написанной в июне 1789 г., он выступал за установление во Франции республики. В этом вопросе он сильно опередил даже таких крупнейших деятелей революции, как Ж. П. Марат и М. Робеспьер. Первый из них встал на республиканские позиции после расстрела на Марсовом поле, а второй в июне 1792 г.⁶²

После того как Учредительное собрание установило во Франции конституционно-монархический строй, Демулен признал это решение, но в своей газете выступал за максимальное ограничение королевской власти и ее подчинение законодательной власти. Он считал, что республика должна быть установлена тогда, когда за нее выскажется большинство избирателей.

Демулен последовательно выступал за расширение политической демократии, за полное юридическое равноправие граждан. Он резко критиковал декреты о разделении граждан на активных и пассивных и о введении имущественного ценза для кандидатов в депутаты. Он постоянно доказывал необходимость сохранения демократических свобод, особенно свободы слова и печати.

В период Вареннского кризиса он клеймил поведение Людовика XVI и решительно требовал его ареста и предания суду. Он доказывал превосходство республиканского строя над монархическим, но, руководствуясь принципом верховного суверенитета нации, предлагал передать решение вопроса о будущем политическом строе Франции первичным собраниям избирателей.

Каковы были социально-экономические взгляды Демулена в первые годы революции? В своих произведениях он уделял мало внимания вопросам этого характера. Он обычно касался их попутно, в связи с тем или иным политическим вопросом. Поэтому не удивительно, что его социально-экономические взгляды не получили освещения в исторической литературе.

Из изложенного в статье материала можно сделать некоторые выводы о его взглядах в этой области. Уже в «Свободной Франции» он выступал за ликвидацию сеньериальных судов и уничтожение всех документов феодальной юстиции. В «Речи Фонаря парижанам» он восторженно приветствовал отмену Учредительным собранием сеньериальной юстиции и ряда феодальных повинностей, а также введение свободы торговой и промышленной деятельности.

Важно отметить, что в произведениях Демулена мы не находим предложений, направленных на улучшение материального положения народных масс, которые могли бы в какой-либо мере нарушить право собственности в буржуазном смысле. Еще в «Свободной Франции» он резко выступил против «аграрного закона» и отстаивал неприкосновенность буржуазной частной собственности. Эти идеи он защищал и в последующие годы. Так, например, в «Истории бриссотинцев» (1793 г.) он выражал полное одобрение речи Дантона в Конвенте 21 сентября 1792 г. в защиту неприкосновенности частной собственности и видел в этой речи доказательство, что якобинцы не являются сторонниками «аграрного закона»⁶³.

Социально-экономические взгляды Демулена для его времени, несомненно, были прогрессивными. Но если его политические взгляды отличались радикализмом, то для его социально-экономических воззрений характерна умеренность. В этой области он не выходил за пределы мнений, имевших широкое распространение среди деятелей революции. В вопросах этого характера он был гораздо умереннее Марата и Робеспьера, выступавших за ограничение права частной собственности.

Как уже отмечалось выше, на формирование политических взглядов Демулена большое влияние оказал Руссо, но Камилл не воспринял его эгалитаристских идей. В социально-экономической области он находился под влиянием Вольтера и физиократов, отстаивавших неограниченное право буржуазной частной собственности и полную свободу экономической деятельности.

Но в первые годы революции, когда шла борьба за ограничение королевской власти, за введение и расширение политической демократии, Камилл Демулен стоял среди видных участников революции и журналистов на самом левом фланге.

Примечания

1. *К.Маркс и Ф.Энгельс*. Из ранних произведений. М., 1956. С.577.
2. *E.Fleury*. Camille Desmoulins et Roch Marcandier. Paris, 1851; *J.C1aretie*. Camille Desmoulins. Paris, 1908; *P.Compton*. Camille Desmoulins. London, 1933; *P.Labracherie*. Camille Desmoulins. Paris, 1948; *J.B.Morton*. Camille Desmoulins (and other studies of the French Revolution). London, 1950.
3. *А.Олар*. Политическая история Французской революции. М., 1938. С.560; *А.Матъез*. Французская революция, т.III. М.—Л., 1930. С.120.
4. *Camille Desmoulins*. Histoire des Brissotins. Paris, 1793. P. II.

5. *J.C1aretie*. Op. cit. P.44—45.
6. *А.Олар*. Указ.соч. С.70.
7. *Oeuvres de Camille Desmoulins*, t. II. Paris, 1890. P. 8.
8. *Ibid.* P.89.
9. *Camille Desmoulins*. Opuscules de l'an premier de la liberte. A Paris. L'an premier de la liberte. La France libre. Quatrieme edition. A Paris. L'an premier de la liberte. P.9—10. (Отдел редкой книги Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии, наук СССР имени В.П.Волгина).
10. *Ibid.* P.13.
11. Здесь Демулен говорит о конституции римского царя Сервия Туллия (VI в. до н. э.).
12. *Camille Desmoulins*. Opuscules... La France libre. P.13—14.
13. *Ibid.* P.15.
14. *Ibid.* P.49.
15. *Ibid.* P.57.
16. *Ibid.* P.60.
17. *В.П.Волгин*. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1958. С.399.
18. *А.Олар*. Указ.соч. С.70.
19. *Camille Desmoulins*. Opuscules... La France libre. P.61.
20. *Ibid.* P.65.
21. *Ibid.* P.64.
22. *Ibid.* P.69—70.
23. *J.C1aretie*. *Camille Desmoulins*. P.70.
24. См. письмо Демулена отцу в «*Oeuvres de Camille Desmoulins*», t.II. P.102.
25. *Ibid.* P.91—92.
26. Поскольку зеленые кокарды напоминали цвет эмблемы графа д'Артуа, они были вскоре заменены трехцветными кокардами.
27. *Camille Desmoulins*. Opuscules de l'an premier de la liberte. A Paris. L'an premier de la liberte. Discours de la lanterne aux parisiens. Troisieme edition. A Paris. L'an premier de la liberte. P.29—30.
28. Имеется в виду тот факт, что во время казни Фулона веревка, стягивавшая его шею, два раза обрывалась.
29. Автор имеет в виду неизвестного столяра, который играл активную роль в этом самосуде.
30. *Camille Desmoulins*. Opuscules... Discours de la lanterne aux parisiens. P.10.
31. *Ibid.* P.16—17
32. *Ibid.* P.4—9.
33. *Camille Desmoulins*. Opuscules... Discours de la lanterne aux parisiens p. 48—49.
34. См. письма Демулена отцу: «*Oeuvres de Camille Desmoulins*», t.II. P.101, 103, 105.
35. Брабант — провинция в Бельгии с центром в Брюсселе. Под революцией в Брабанте Демулен подразумевал бельгийскую революцию 1789—1790 гг.
36. *L.Ga11ois*. Histoire des journaux et des journalistes de la Revolution francai-se, t. II. Paris, 1846. P.50.
37. См. *Г.Кунов*. Борьба классов и партий в Великой французской революции 1789-1794 гг. М.—Пг., 1923. С.133.
38. Т.е. за республиканскую конституцию.
39. «*Revolutions de France et de Brabant*», t.I. P.39—40. (Библиотека Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.)
40. *Ibid.*, t.III. P.12.
41. *Ibid.*, t.I. P.8—9.
42. *Ibid.*, t.I. P.108—109.
43. «*Revolutions de France et de Brabant*», t.II. P.165.
44. *Ibid.* P.546 —550.
45. *Ibid.* P.139—140.
46. *Ibid.* P.9 — 10.
47. *Ibid.* P.88—89.
48. *Ibid.*, t.III. P.23—24.
49. *Ibid.* P.283.
50. *Ibid.* P.566.
51. *Ibid.* P.603—605.

52. В 1789—1790 гг. Марат неоднократно называл Демулена «собратом по оружию», вместе с тем критикуя его за недостаточно глубокий подход к некоторым проблемам. После № 37 «Революций Франции и Брабанта» Марат стал обвинять Демулена в легкомыслии и неустойчивости в политике.
53. «Revolutions de France et de Brabant», t.III. P.620.
54. «Revolutions de France et de Brabant», t.VI. P.158.
55. Ibid. P.253—254. К этому времени за установление республики выступали также Ж.-А.Кондорсе, Ж.-П.Бриссо, а также Ж.-М.Ролан, Ф.Робер, Н.Бонвилль и некоторые другие.
56. «Revolutions de France et de Brabant», t.VI, p.297—298.
57. Подробнее см. об этом в книге: *A.Mathiez. Le club des Cordeliers pendant la crise de Varennes et le massacre du Champ de Mars.* Paris, 1910.
58. Ibid. P.360—361, 374.
59. Альгвазилы — испанские полицейские.
60. «Revolutions de France et de Brabant», t.VII. P.1—2.
61. Ibid. P.4.
62. См. *А.З.Манфред. Очерки истории Франции XVIII—XX вв.* М., 1961. С.50, 139.
63. *Camille Desmoulins. Histoire des Brissotins.* Paris, 1793. P.49.